

могло причинить вреда охраняемым уголовным законом интересам»¹.

Как нам представляется, в настоящее время есть два возможных варианта отражения признаков малозначительности деяния. Один из них фрагментарен, но весьма удобен для правоприменителя – через указание признаков отсутствия общественной опасности конкретных видов деяний и приведения примеров в каждом постановлении Пленума Верховного Суда РФ (по типу вышеупомянутых постановлений Пленума Верховного Суда РФ 2020 г). Другой вариант, сразу оговоримся, на наш взгляд менее пред-

почтителен, но более нагляден для целостного восприятия рассматриваемого правового положения, – это закрепление признаков малозначительности деяния в ч. 2 ст. 14 УК РФ. При использовании второго варианта из числа указанных признаков в данной норме необходимо, на наш взгляд, обязательно отразить: незначительную стоимость предмета посягательства, общественно не опасный способ совершения правонарушения, несущественность вреда от проступка и конкретизированный умысел на данные признаки состава деликта².

Хилюта В.В.,

DOI 10.51980/2021_2_140

кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Административная преюдиция и общественная опасность

Когда идет речь об административной преюдиции, то она (преюдиция), в первую очередь, связана с общественной опасностью. Однако если мы говорим об общественной опасности, то принимаем во внимание не только само деяние человека. Деяние напрямую связано с деятелем. Сегодня это простой аксиоматичный факт, и его нельзя отрицать. Сам деятель и предопределяет в ряде ситуаций уровень общественной опасности деяния, хотя согласимся, что и не всегда в полном объеме. Следовательно, общественная опасность определяется не только сугубо совершенным деянием, но и тем, какой эффект может воспроизвести многократно повторяемое деяние в рамках запрещаемой модели поведения.

При этом речь не идет только о специальном субъекте преступления, когда уровень и степень общественной опасности преступления формулирует уголовно-правовой запрет. Поднимать же вопрос в таком случае о теории «опасного состояния личности» и «специаль-

ной защиты» не совсем корректно, поскольку никакого отношения эта ситуация к административной преюдиции не имеет. В качестве примера можно привести институт рецидива в уголовном праве, различные виды сложного единичного преступления – повторности, неоднократности, систематичности. Именно кратность совершаемых действий повышает уровень общественной опасности такого преступления. И здесь количество непременно превращается в качество, о чем и свидетельствует известный закон диалектики.

Однако если даже это не так, и стараться в некоторой степени не замечать «накопление» общественной опасности и ее трансформацию, то уж никак нельзя отрицать факт, указывающий на изменение лица, допустившего такой административный рецидив и вновь совершившего правонарушение. Поэтому контраргументом известной метафоры Н.Ф. Кузнецовой о том, что «сто кошек не может превратиться в тигра» может служить и

¹ Гарбатович Д.А. Ошибки при квалификации малозначительных деяний, содержащих признаки формальных составов преступлений // Мировой судья. 2020. № 7. С. 16.

² Мальков С.М. Особенности дифференциации уголовной ответственности за незаконные действия с отдельными видами оружия // Уголовное право. 2006. № 1. С. 43.

иное выражение: «однако одновременный укус ста кошек будет гораздо опаснее одного укуса тигра». Иначе говоря, даже если количество не перерастает в качественно иное состояние, то административная преюдиция указывает на то, что, совершив неоднократно тождественные правонарушения, новое качество приобретает лицо, их допустившее.

Конечно, при повторном совершении одного и того же проступка – административного правонарушения – само деяние качественно не меняется, оно продолжает оставаться таковым, как и было. Однако если мы говорим об общественной опасности такого деяния, то должны говорить об общественно опасном состоянии лица, допустившего неоднократно (повторные) действия и игнорирующего меры административного воздействия на него. Если один и тот же человек неоднократно нарушает установленные запреты, разве не становится его поведение более опасным, а его отношение к обществу – более циничным и пренебрежительным? Например, правоприменительная практика по уголовным делам за мелкое хищение свидетельствует о том, что более чем в 70% случаев лица, допускающие повторные административные правонарушения за мелкие хищения, ранее привлекались к уголовной ответственности или были судимы за преступления против собственности. Это обстоятельство свидетельствует не столько об общественной опасности совершенного деяния, сколько об опасности личности такого правонарушителя.

В данном случае, формулируя составы с признаками административной преюдиции, многое зависит от уровня вредоносности совершенного административного правонарушения. Понятно, что речь должна идти о наиболее опасных проступках, административные меры реагирования на которые уже не носят эффективного характера и не способны предупреждать совершение лицом новых противоправных действий. Если, например, лицо несколько раз в нетрезвом состоянии управляло автомобилем, то понятно, что меры административного характера не возымели никакого дейст-

вия на такое лицо. Нужны в таком случае иные, более радикальные. Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь уже необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица многократно его совершающего. Многие исследователи утверждают, что теория общественной опасности личности недопустима при конструировании уголовно-правовых запретов. Однако это утверждение порождает закономерный вопрос: почему? Почему неоднократно и преюдиции нет места в уголовном законе?

На наш взгляд, такое положение дел обусловлено сугубо нормативистским пониманием сути и содержания преступления и его признаков. Тем не менее, если мы говорим об общественной опасности, то понятно, что чисто формальный подход к определению преступления не может оставаться всеобъемлющим и единственно правильным, потому как общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Укоренившийся в сознании исследователей еще с советских времен относительно административной преюдиции как разновидности повторности (а иногда и рецидива) не может решить задачи понимания общественной опасности сугубо в плоскости совершения деяния, оставляя без внимания лицо, которое всегда стоит за этим деянием.

В этой связи вызывает недоумение простое обстоятельство. Личность правонарушителя не может являться обстоятельством, с которым бы связывалось наступление уголовной ответственности, а вот обстоятельством, на основе которого бы происходила дифференциация уголовной ответственности (то есть выступать квалифицирующим признаком состава преступления), – может. Чем же обоснован такой довод? Если при дифференциации уголовной ответственности учитываются опасные свойства лично-

сти, то почему этот же подход нельзя применять при криминализации общественно опасных деяний? Законодатель все же в ряде ситуаций криминализирует деяние исходя из определенного состояния лица. Например, в ст. 264 УК РФ таким основанием для криминализации общественно опасного деяния явилось состояние опьянение лица.

Переход от административного правонарушения к преступлению необходимо связывать не с преобразованием количества в качество, а с личностью виновного, то бишь субъекта преступления. Это лицо приобретает принципиально новое качество. При этом вовсе не стоит делать упор на характеристике личности и его позитивных или негативных чертах, как это зачастую происходит в уголовно-правовой литературе. Это не имеет никакого отношения к сути рассматриваемой проблемы. Важно совсем иное, т.к. при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются только те черты личности, которые определяют ее противоправное поведение. Поэтому, как отмечает Т.В. Серкова, «личность преступника – это совокупность социально-значимых черт (свойств) и качеств лица, которые будут отражаться в субъективной причине совершенного лицом преступления»¹.

Нельзя не заметить, что в данном контексте для уголовного права характерна иная тенденция, а именно постепенный уход от деяния к деятелю. И в сложившейся ситуации никак нельзя игнорировать признаки личности преступника и не учитывать их при криминализации общественно опасного поведения. Согласимся, что при такой постановке вопроса очень важно найти баланс между этими извечными постулатами «деяние – деятель». Однако если рассматривать административную преюдицию именно как средство раннего предупреждения воз-

можности совершения преступлений, то здесь очевиден профилактический подход, и это средство применяется в первую очередь к лицу, совершающему деяние, т.к. деяние производно от деятеля.

Тем не менее вопрос в данном случае можно поставить и иным образом: насколько кратность совершаемых деяний влияет на общественную опасность содеянного и каким образом тогда следует учитывать положения о специальном субъекте. Обычно в данном контексте приводят ситуацию, при которой виновное лицо последовательно совершает три деяния с признаками административных правонарушений, причем на момент совершения последнего из них срок, в течение которого он считался подвергнутым административному взысканию, истек, а за повторное правонарушение виновный привлечен к уголовной ответственности путем применения административной преюдиции и имеет непогашенную судимость.² Например, лицо совершает мелкое хищение на сумму 2 тыс. руб. и подвергается административному взысканию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Далее в течение срока «административной наказанности» совершает аналогичное хищение и привлекается к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ, осуждается на один год лишения свободы. За день до окончания срока уголовного наказания осужденный вновь совершает мелкое хищение на сумму 2 тыс. руб. Как полагает в этой связи Е.В. Новикова, общественная опасность личности возрастает от эпизода к эпизоду, однако третье хищение должно влечь меньшую ответственность, чем второе, т.к. является административным правонарушением³.

Исходя из приведенной позиции можно заключить, что факт первоначального осуждения лица уже сам по себе погашает правовые последствия наложенного на него ранее административного взыскания за первое правонарушение,

¹ Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 82-83.

² Богданов А.В. Особенности субъекта преступлений, содержащих административную преюдицию, в действующем уголовном законе России // Человек: преступление и наказание. 2018. № 4. С. 483.

³ Новикова Е.В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 109.

явившееся необходимым условием привлечения лица к уголовной ответственности. В этом случае лицо признается уголовно наказанным и не может рассматриваться как подвергнутое также и административному взысканию¹. Получается, что третье деяние, совершенное данным лицом, является административным проступком, а вот если оно четвертый раз совершит такое же правонарушение, то только тогда его можно привлекать к уголовной ответственности (при условии, что в третий раз это лицо было привлечено к административной ответственности). Иначе говоря, любое нечетное правонарушение должно влечь нас-

тупление административной ответственности, а четное – уголовной?!

Однако вряд ли этот тезис верен. Сама суть административной преюдиции указывает на то, что повторное совершение лицом деяния, за которое к нему применялись меры административного характера, означает, что эти меры оказались неэффективными, вследствие чего содеянное становится преступлением и влечет уголовную ответственность. Поэтому если и после осуждения лицо допускает аналогичное нарушение, привлечение его вновь к административной ответственности вряд ли будет эффективным.

Сутурин М.А.,

DOI 10.51980/2021_2_143

кандидат юридических наук, доцент

Юридический институт Иркутского государственного университета

Несовершеннолетие как возраст уголовной ответственности

Для более полного освещения заявленной проблематики представляется необходимым лапидарно рассмотреть базовый термин «несовершеннолетний». В разных правовых системах имеют место свои подходы к пониманию данного термина. При этом установленные дефиниции имеют подчас принципиальное различие. Конвенция ООН о правах ребенка в ст. 1 закрепляет положение о том, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достиг совершеннолетия ранее»². Отсюда возраст, с одной стороны, является универсальным – 18 лет. С другой стороны, данное положение одновременно закрепляет определенную «гибкость» подхода, которая связана с признанием суверенитета государства – если по национальному законодательству совершеннолетие наступает ранее, то Конвенция не распространяется

на него³. Следует отметить, что иные акты международного права в области несовершеннолетия не содержат определения возрастных границ. Так, Международные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, не устанавливают конкретный возраст для определения целевой группы. При этом в правиле 2.2 закрепляется, что для целей документа «несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому».

Уголовный кодекс РФ в отличие от Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. более детально рассматривает вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, в УК РФ существует самостоятельный раздел V, в котором глава 14

¹ Ляпунов Ю. Квалификация автотранспортных преступлений // Советская юстиция. 1969. № 18. С. 16.

² Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Права человека начинаются с прав ребенка / сост. М.Н. Садовникова. Иркутск, 2005. С. 161.

³ Профилактика преступности несовершеннолетних : учебно-методический комплекс / сост. М.Н. Садовникова. Иркутск, 2007. С. 83.